

ПУТИ И ПЕРЕКРЕСТКИ ЯПОНСКОЙ ШАМАНОЛОГИИ

Хранится в архиве Института восточных рукописей города Санкт-Петербурга текст некоего Кавамуры Ёдзю «Исследование японского шаманизма» в русском переводе выдающегося ученого Николая Александровича Невского¹. Сам факт того, что Невский обратил на него внимание и его перевел, аккуратно записав в отдельный блокнот так, что получилась рукописная книга, свидетельствует о том, что текст стоящий. Кто такой досточтимый сэнсей Кавамура, чем является данный текст — книгой, главой книги, брошюрой или статьей, я пытался при случае выяснить у российских этнографов и у наших японских коллег. Упоминание Кавамуры Ёдзю в качестве специалиста по шаманству, наряду с всемирно известными и поистине великими учеными — Николаем Невским и Кунио Янагитой, я нашел только у А. М. Решетова в его статье «Н. А. Невский как этнограф»².

Идентифицировать личность таинственного Кавамуры мне удалось лишь благодаря Петру Эдуардовичу Подалко, профессору Токийского университета Аояма гакуин дайгаку, специалисту по русским в Японии³. В книге Н. А. Невского «Мате-

¹ ИВР РАН. Ф. 69. Оп. Ед. хр. 121.

² Решетов А. М. Н. А. Невский как этнограф // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 115–124.

³ Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян. М.: ИВ РАН, 2004.

риалы по говорам языка цоу»¹ П.Э. Подалко обратил внимание на постраничную сноску, в которой автор сообщает, что Кавамура Ёдзю — это и есть сам Янагита Кунио, точнее, один из множества его псевдонимов.

Если Невский в своем рукописном переводе указал псевдоним, но не указал подлинное имя автора, это означает, что, во-первых, он перевел тексты тех статей, которые были опубликованы в тех журналах, в которых Янагита публиковался как Кавамура, во-вторых, скорее всего, не был на тот момент с ним лично знаком, и сам не знал, что это псевдоним. В своем «Кратком отчете о занятиях в Японии» Императорскому Петроградскому Университету за период с 01.12.1915 по 01.12.1916 он упоминает «Кедо Кэнке» как «научно поставленный новый, четвертого года существования, журнал», который наряду с двумя другими дает «колоссальный материал для исследования первичного синто»². Известно, что это был журнал, созданный и существовавший при непосредственном участии Янагиты, и в 1913 году он регулярно публиковал в нем исследования японского шаманства за подписью Кавамуры, одним из семнадцати своих псевдонимов³.

Про личность же Янагита Кунио известно многое. Исследователи жизни и творчества этого замечательного этнографа определяют ему достойное место среди — ни больше ни меньше — «крестных отцов» японской нации. Другой, не менее выдаю-

¹ Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М.: Наука, 1981.

² Архив востоковедов. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 122. Л. 13.

³ Мещеряков А. Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. М.: Лингвистика, 2020.

щийся, российский японовед Александр Николаевич Мещеряков свою монографию «Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа» начинает такими строками: «Янагита Кунио (1875–1962) прожил длинную жизнь. Он застал почти не тронутую западным влиянием деревенскую Японию, он умер, когда подавляющее количество японцев сделались горожанами. Когда он родился, японской нации еще не существовало. Когда умер, она уже давно сформировалась. И Янагита внес огромный вклад в то, чтобы она стала такой, какой стала»¹.

Янагита был из тех аутентичных мэтров, которые полагали, что гайдзину, иностранцу, понять японца не под силу, понять японца может только сам японец, но для Невского делал исключение: Николая Александровича он ценил и уважал поболее многих своих коллег-соотечественников. Янагита и Невский проводили полевые исследования совместно с другими этнографами, так в августе 1917 года они выезжали в префектуры Гумма, Иватэ и другие «для изучения народной деревянной архитектуры и связанных с нею представлений и верований»².

О сотрудничестве Янагиты и Невского, в том числе и в их шамановедческих исследованиях, сохранилось немало ярких свидетельств. Так, еще один классик, Лев Яковлевич Штернберг, российский и советский этнограф, посетив Японию в ноябре 1926 года с участием в III Всетихоокеанском научном конгрессе, записал такие впечатления: «И я лично с чрезвычайной признательностью вспоминаю свои беседы с профессором Янагита

¹ Там же. С. 16.

² Решетов А. М. Указ. соч.

и русским японистом, давно живущим в стране, профессором Невским, специально занимающимся шаманством, первый в Северной Японии, второй — кроме того еще на островах Лиу-Киу (Рюкю. — А. Р.). Для меня сообщенное ими было настоящим откровением. В литературе, в том числе и японской, их материалы еще не опубликованы»¹.

Как и Янагита, искавший корни японского народа в наиболее древних, архаичных пластах культуры, Невский также считал шаманизм исключительно важным ключом к пониманию религиозного сознания: «Из анимизма же вытекает и японское шаманство, на которое обращалось до сих пор весьма малое внимание, тогда как оно в древности, видимо, занимало одно из первых мест в верованиях народа»².

Древность обладает особым магнетизмом, иногда завораживающим сознание исследователей. Но в Японии этот магнетизм виден невооруженным, точнее, вооруженным определенной культурно-антропологической методологией, взглядом. Интерпретация истории традиционной японской культуры С. А. Арутюнова объясняет, что поиски древних корней Янагитой и Невским именно в Японии — занятие благодарное:

Границы между юго-западной, центральной и северо-восточной областями Японии стабильно совпадают с границами археологических культур, древних этносов, а в новое время — диалектных групп и локальных этнокультурных подраз-

¹ Штернберг Л. Я. Этнография на III Всетихоокеанском научном конгрессе в Токио в ноябре 1926 г. // Этнография. 1927. № 2. С. 330 (Цит. по: А. М. Решетов. Указ. соч. С. 116).

² ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 11015. Л. 39 (Цит. по: Решетов А. М. Указ. соч. С. 116).

делений японского народа, начиная с эпохи раннего неолита и вплоть до наших дней, невзирая на все изменения в этническом составе населения. Однако практически любые человеческие сообщества в той или иной степени открыты; подобно регионам в географической классификации или периодам — в истории, они хотя и могут быть выделены, но в реальности не существуют изолированно друг от друга. <...> «Родители» более древних народов, как правило, уже не сохранились. На рубеже нашей эры в Японии жили три группы племен: на юге племена кумасо, хаято, и возможно другие, говорившие на языках индонезийской группы; на севере племена эбису, цутигумо, родственные нынешнему народу айнов на острове Хоккайдо, но не идентичные с ним; в центре — племена ва, незадолго до этого переселившиеся из Кореи, их язык был отдаленно родственен корейскому. К IV–V вв. н. э. эти племена полностью перемешались между собой и превратились в древнеяпонский народ. Племена кумасо, эбису, ва просто перестали существовать, сохранились лишь их имена в мифах и преданиях. Можно ли утверждать, что все эти древние народы умерли? Они перестали существовать, но их гены, да и преобразованное языковое и культурное наследие продолжают жить в японском народе и сегодня¹.

Как это часто бывает в эпохи перемен, чем стремительнее общество модернизируется, тем более оно нуждается в архаических форматах и формах самого себя. Так и у эпохи Мэйдзи, в которой прошли первые 37 лет жизни Янагиты, есть

¹ Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М.: Весь Мир, 2004. С. 49–61.

официальные два названия: «Революция Мэйдзи» и «Реставрация Мэйдзи». Правильные оба. Чем сильнее Япония уплывала из-под ног каждого, кто пытался осмыслить ее и свое место в этом мире, тем больше они нуждались в твердой почве под ногами, в поисках которой японские интеллектуалы обращались ко все более глубоким «тектоническим» пластам. Наверное, это и правильно. В период Мэйдзи-исин японцы занялись переосмыслением своей «японскости» настолько энергично, настолько радикально принялись избавляться от «чуждого и наносного», что объявили аж сам буддизм явлением инородным и вредным, то есть «вместе с водой выплеснули ребенка». Впрочем, скоро подобрали его и водворили на место. Для Японии, как и для других регионов мира, в которых шаманизм и буддизм сосуществуют и взаимопроникают друг в друга, разговор о том, кому из них принадлежит ведущая роль истории и культуре своего народа, кто из них более соответствует национальному духу, лишен смысла. «И тот и другой по отдельности и вместе — в том самом исторически сложившемся симбиозе — наряду с другими явлениями традиционной культуры внесли свою лепту в формирование национального менталитета и выросшей из него столь желанной и столь неуловимо ускользающей от какой-либо материализации национальной идеи»¹. Следовательно, ослабление буддизма вызывает крен чаши весов в сторону шаманизма, и в стране реактуализированного синто возникли десятки «новых детей синто» — неосинтоистских

¹ Жуковская Н. Л. Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / Сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 36.

и зачастую неошаманских сект, споривших между собой за статус первородства — кто из них наиболее древний, а кто и того древнее. Эпохи перемен зачастую меняют и состояние сознания наиболее впечатлительной части населения, что производит на свет сонмы всевозможных «неошаманов» — гадалей, прорицателей, магов, спиритов, аниматоров и просто сумасшедших, рекрутируемых любыми обществами в перемены эпох. И вот Кунио Янагита попытался разобраться во всем этом многообразии посредников между нормальными людьми и тонкими мирами и отделить «правильных шаманок» от шарлатанок, а также понять суть, назначение и происхождения феномена «шаманство», а заодно дать подробнейшее описание палитры его локальных проявлений. И Николаю Невскому этот опыт показался заслуживающим внимания.

Янагита приводит описания различных категорий шаманок — мико, живущих при значительных синтоистских храмах и участвующих в церемониях; татакимико, странствующих женщин, изрекающих оракулы, общающихся с душами умерших или без вести пропавших людей; названия категорий шаманок в разных областях; способы прорицаний и вхождения в транс; целительские практики; отношения с буддизмом; восприятие их местными жителями, храмовыми и светскими властями и многое другое. Практически, на полевого материал, раскрывает историческую и непосредственную связь народных шаманских практик с храмовой религией синто, как и смысл самого храма, который изначально мог быть второстепенной постройкой, типа навеса от дождя, перед одухотворенным участком ландшафта, на который нисходит божество. Официальная религия мысли о такой связи не

одобряет, и это отношение к шаманкам, как к чему-то низкому, а к жрицам храмов, как к чему-то возвышенному, была общепринятой, коль скоро и другой великий российский востоковед Н. И. Конрад, коллега Н. А. Невского, высказывался в том же духе: «Но это уже жрица, а не какая-то там вульгарная шаманка»¹. Конрада интересовали высокие формы культуры народа, Невского — истоки и корни народной культуры. И если применить по отношению к цивилизации метафору сада, то Невский, как и Янагита, в своих исследованиях устремлялся по направлению от плодов к корням. «Единственный путь для исследования первичных верований Японии — это прибегнуть к сравнительной этнографии и национальному фольклору, под которые подходят прежде всего ныне существующие сказания и предания разных провинций, народные обычаи, суеверия, гадания и чародейства, народные храмовые празднества и обряды, народные танцы, детские игры и прочее»².

Н. И. Конрад, В. М. Алексеев и другие отечественные этнографы, историки, востоковеды приложили усилия для того, чтобы Николай Невский вернулся из Японии в Россию вместе со своей семьей. Николай Александрович и его жена Исоко Мантани-Невская были расстреляны 24 ноября 1937 года, их маленькую дочь Елену забрал к себе Конрад, а когда арестовали и его, девочка жила в семье Т. Н. Крыловой-Лукомской, затем в семье В. Л. Афросимова, четвероюродного брата Н. А. Невского.

¹ Конрад Н. И. Исследования литературы и театра. М., 1978. С. 311.

² Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 47.

Много лет Елена Николаевна прожила в неведении относительно судьбы родителей. Согласно свидетельству о смерти от 12 июня 1958 года, копия которого хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН, Н. А. Невский скончался от миокардита 14 февраля 1945 года. И только лишь в 1991 году она получила доступ к делам своих родителей и узнала правду.

Судьбы Невского и Янагиты, которые сегодня снова пересеклись в ваших руках и под этой обложкой, после их расставания сложились кардинально противоположным образом. Достигший при жизни славы, почестей, признаний, приближенный к самому императору Янагита прожил долгую жизнь и сам выбрал себе место могилы на красивом новом кладбище «Весны и осени» с видом на Фудзи.

К Н. А. Невскому признание и оправдание пришло посмертно. Безвинно убитый государством в 1937 году, он после того еще восемь лет считался живым, а потом «сам умер» в реестрах государственной лжи. Официально реабилитирован 14 ноября 1957 года. В 1962 году, спустя 25 лет после расстрела, был посмертно удостоен Ленинской премии. Могила его неизвестна, и не известно, была ли она вообще. Обычно все скончавшиеся от сердечной недостаточности НКВД проходили по категории «невостребованный прах», то есть минуя ритуальные инфраструктуры, растворялись непосредственно в мироздании.